

**ПАНЕГИРИК ИЛИ ТОНКАЯ ИЗДЕВКА?
КАК ОБРАЗЫ ЖИВОТНЫХ МОГЛИ ПОМЕНЯТЬ СМЫСЛ
«ИСКУПЛЕНИЯ» БЛОССИЯ ЭМИЛИЯ ДРАКОНЦИЯ**

В статье анализируется поэма «Искупление» карфагенского поэта V в. Блоссия Эмилия Драконция, которую обычно понимают как произведение, написанное в тюрьме в качестве просьбы о помиловании и одновременно оды королю вандалов Гунтамунду. Однако сопоставление авторского посвящения в «Искуплении» с его же посвящением Фелициану Грамматику позволяет прийти к выводу, что в «Искуплении» вполне мог присутствовать смысл, меняющий его окраску с панегирической на прямо противоположную, что позволяет считать создание этого сочинения дерзким и провокационным поступком.

Ключевые слова: вандалы, Гунтамунд, Драконций, Фелициан, Римская империя, поэзия, панегирик, Карфаген

Предметом рассмотрения в настоящем докладе является произведение латинского поэта V в. Блоссия Эмилия Драконция «Искупление» (*Satisfactio*, далее сокращенно – *Sat.* Перевод на русский язык и комментарий см. в работе: Никольский 2017а¹). О судьбе автора известно следующее: он происходил из знатной римской семьи, принадлежавшей, по всей видимости, к слою сенатской аристократии; родился и прожил жизнь в Карфагене, оказавшемся под властью вандалов; попал в тюрьму за посвящение некой опальной персоне, известной под псевдонимом *dominus ignotus*². Находясь в заключении, Драконций написал посвящение королю вандалов (по всей видимости, Гунтамунду, 484–496), сопровождаемое просьбой помиловать его и выпустить на волю («Искупление»). Просьба успехом не

¹ Латинский текст приводится по изданию: Dracontius Blossius Aemilius. *Satisfactio ad Gunthamundum regem Wandalorum* Vollmer 1905: 114–131).

² Так она названа во фрагменте *Sat.* 93–94. Единого мнения, кто мог иметься в виду, у исследователей нет. По разным предположениям, это могли быть императоры Зенон или Анастасий, король остготов Теодорих, или предшественник Гунтамунда, Хунерих. См. об этом подробнее: Merrills 2004; González García 2012; Никольский 2016: 256–257).

увенчалась, и освободиться поэту довелось лишь при следующем правителе, Тразамунде (496–523).

Однозначно определить жанр «Искупления» достаточно сложно: для краткости названное «панегириком» в заглавии настоящей работы, это произведение, несомненно содержащее в себе «хвалебную» часть, в не меньшей степени отсылает и к «Тристиям» Овидия, автор которых точно так же просил правителя помиловать его и вернуть из ссылки (*Tristia* II.207)³. Так или иначе среди исследователей утвердилась точка зрения, что Драконций стал конформистом, восхвалявшим вандалов, чуждых и враждебных населявшим северную Африку римлянам, и из-за этого снискал себе репутацию чуть ли не предателя⁴.

Действительно, автор «Искупления» едва ли не в первых строках выражает сожаление, что не восхвалял триумфальные победы Асдингов (т. е. вандалов – *Nominis Asdingui bella triumphigera*; Sat. 19–26) раньше, а превозносил «не тех господ» – за что справедливо поплатился – но просит простить его и позволить воспеть царствующую особу в надежде на милосердие последней.

Присутствующие в тексте сравнения с библейскими царями Давидом и Соломоном (Sat. 157–165), а также с римскими правителями Цезарем, Августом, Титом и Коммодом (Sat. 175–190) должны были польстить королю – даже с последним из этого списка, который, несмотря на дурную репутацию, сформированную римской исторической и биографической прозой, почитался в северной Африке (см. Никольский 2017б).

Обращает на себя внимание, что среди примеров милосердия для действующего правителя в «Искуплении» используются аллегорические фигуры, в частности лев, который

³ Текст Драконция, считая его жанровые и стилистические особенности, неоднократно становился предметом рассмотрения в исследовательской литературе. В немалой степени этому поспособствовало появление критических изданий «Искупления»: St. Margaret 1937; Diaz de Bustamante 1978; Moussy 1988. Из недавних работ об основных проблемах, связанных с этим текстом, см. напр.: Schetter 1994; Edwards 2004; Simons 2005; Tizzoni 2012.

⁴ Имеется в виду резкое высказывание Виктора Витенского о римлянах-«коллорабационистах» (*Vict. Vit.* III.62), которое на счет Драконция отнес Э. Меррилс (Merrills 2004: 152–153, n. 31; см. также напр.: Hen Y. 2007: 86).

милостив по отношению к зайцу (Sat. 265–270) и «дарует пощаду поверженному [охотнику]» (et dat prostrato veniam sine vulnere victo – Ibid. 145–146), орел, игнорирующий мелких птиц – Ibid. 267–268), леопард, «который никогда не кусает повторно» (Ibid. 273–274: dat semel iratus veniam post vulnera pardus nec reduces morsus dat feritate pia), тигр и дракон (Sat. 275–276).

На первый взгляд, эти сравнения, особенно сопоставление со львом, отсылающее сразу и к античной традиции, и к ветхозаветной⁵, должны были бы польстить вандальскому королю. Плиний называет льва единственным из зверей, кому присуще милосердие, и отмечает, что тот щадит женщин и детей (NH VIII.48: *Leoni tantum ex feris clementia in supplices. prostratis parcit et, ubi saevit, in viros potius quam in feminas fremit, in infantes non nisi magna fame*); в качестве примера милосердия для правителей льва изображает и Сенека (De Clementia I.5.5). В свою очередь, в Книге Притч Соломоновых лев уподобляется царю во гневе: «Гнев царя – как рев льва, а благоволение его – как роса на траву» (Притч. 19:12).

Однако, если взглянуть на эти сравнения в контексте прочего творчества Драконция, картина оказывается не столь однозначной. Стихотворное посвящение учителю поэта, Фелициану Грамматикку (*Praefatio Dracontii discipuli ad grammaticum Felicianum*, известное по сборнику *Romulea*), одно из наиболее ранних его произведений, написанных безусловно до ареста (Shanzer 1986: 20; о самом сборнике см. напр.: Zweierlein 2017), также содержит упоминания хищников (Vollmer 1905: 132):

Orpheum vatem renarrant ut priorum litterae
cantitasse dulce carmen voce nervo pectine
inter ornos propter amnes adque montes algidos,
(quem benignus grex secutus cum cruenta bestia
audiens melos stupebat concinente pollice:
tunc feras reliquit ira, tunc pavor iumenta, tunc
lenta tigris, cervus audax, mitis ursus adfuit,
non lupum timebat agna, non leonem caprea,
non lepus iam praeda saevo tunc molosso iugiter;
artifex natura rerum quis negat concordiam,
hos chelys Musea totos Orpheusque miscuit):

⁵ Подробнее о «львиных» мотивах в произведении Драконция – в контексте античной литературной традиции см. статью: Marrón 2017.

sancte pater, o magister, taliter canendus es,
 qui fugatas Africanae reddis urbi litteras,
 barbaris qui Romulidas iungis auditorio,
 cuius ordines profecto semper obstupescimus,
 quos capit dulcedo vestri, doctor, oris maxima...

‘Как вновь и вновь рассказывают произведения предшественников о поэте Орфее – что он пел нежную песнь голосом, струной и плектром меж ясеней у рек и до заснеженных гор (следуя за ним, кроткое стадо, равно как и кровожадный зверь, слыша песнь и аккомпанирующие пальцы, цепенели. Тогда хищных оставлял гнев, а выючных – страх; тигрица становилась медленной, олень – храбрым, медведь ручным; ни овечка не боялась волка, ни серна – льва, и вот и заяц уже перестал быть для свирепого молосса добычей. – Созидательница, природа вещей, отказала им в согласии; их всех слила воедино лира Мусея и Орфей), – так и ты, о святой отец, о учитель, столь же достоин быть воспетым, ты, который возвращаешь изгнанную из африканского града ученость, ты, который объединяешь в школе потомков Ромула с варварами, от чьих канонов мы приходим в восторг, мы, которых всегда захватывает величайшая сладость вашей, учитель, речи...’.

Фелициан в этих стихах уподоблен Орфею, примиряющему травоядных с хищниками, а роли зверей, если продолжать параллель, распределяются соответственно между «потомками Ромула» и «варварами» (в данном случае, очевидно, вандалами). При этом намек, кто из них кто, даже слишком прозрачен: термин «варвары» не просто традиционно наделялся в античной литературе отрицательными коннотациями, но порой находил риторические ассоциации именно со словами, обозначающими диких зверей (как здесь – *cruenta bestia*). Например, христианский апологет и историк IV в. Лактанций употребляет их по соседству, в адрес гонителей церкви (*De mortibus persecutorum* 9.2: *Inerat huic bestiae naturalis barbaries...* – о Максимиане Галерии; см. также *Ibid.*: 16.1; 32.4; 52.2). Присутствуют сравнения варваров со зверьми и у Аммиана Марцеллина (*Amm. Marc.* XVI.5.17; XXXI.8.9; 15.2). Виктор Витенский, что особенно важно, современник Драконция, в «Истории гонений» в свою очередь называет так именно вандальского короля (*Vit. Vit.* III.21: *bestia illa, sanguinem sitiens innocentum...* [о Хунерихе]).

В дополнение к этому можно отметить, что само по себе слово *bestia*, использованное Драконцием в посвящении Фелициану, не просто характеризовало агрессивных представителей животного мира, но нередко служило орудием в риторическом арсенале античных авторов.

Так, Цицерон употреблял его, говоря об отцеубийцах (*Cic. Pro Roscio* 63). У Тертуллиана в трактате «О воскресении плоти» это понятие встречается в связи с явлением антихриста (*Tert. De Resurrectione carnis* XXV.1); у Иеронима в переводе Библии на латинский язык *bestia* возникает как символ Апокалипсиса (*Rev.* 11:7; 13:1–4; 13:11; 14:9; 15:2; 16:2; 16:10; 20:4). «Грязнейшим из ужаснейших животных» (*immanum bestiarum sordidissimus*) назвал первого гонителя церкви, Нерона, Сульпиций Север (*Sulp. Sev.* II 28 1).

С учетом такого культурного фона животные, с которыми Драконций сравнивает героя *Satisfactio* (в частности, лев и тигрица), утрачивают флер своего благородства и напротив, выставляют короля в неблагоприятном свете. Кроме того, если усматривать в этих образах «Искупления» отсылки к посвящению Фелициану, получается, что, помимо открыто высказанного покаяния и восхищения силой вандальского короля, оно содержит в себе намек на выражение следующей – принципиально важной – авторской идеи, явно противоречащей взглядам, политике и идеологии правящей вандальской элиты.

Варвары в целом и, очевидно, вандалы, в частности, как были «хищниками» (*fera bestia*), «кровожадными зверьми» (*cruenta bestia*), так ими и остаются – несмотря на все попытки подражать римлянам. Этот намек (если он действительно был заложен в смысл «Искупления»!) должен был смотреться для вандальских королей особенно обидно.

Дело в том, что с самого момента образования вандальского королевства в Африке его вожди во всех смыслах ориентировались на Рим. Поначалу они стремились просто добиться официального признания и укрепить дипломатические связи, в частности, путем заключения династических браков (сын первого правителя королевства, Гизериха (428–477), Хунерих (477–484), женился на дочери императора Валентиниана III, Евдокии). Впоследствии – начиная со времени правления Гунтамунда, того самого короля, который посадил Драконция в тюрьму, – эта тенденция стала обнаруживать себя и в полити-

ческой идеологии королевства: в литературных сочинениях и других важных источниках, в частности, в легендах монет, с этого момента начала появляться формула *dominus (noster) rex*, фактически приравнивавшая по статусу вандальского правителя к римскому императору (подробнее см.: Никольский 2016; Никольский 2017в). Сами сравнения Гунтамунда с Цезарем, Августом, Титом и Коммодом в «Искуплении», упомянутые выше, также вроде бы лежали в этом русле, но – если мое предположение об «издевательском» характере «Искупления» верно – они полностью нивелировались сопоставлением вандалов с хищными зверьми.

Остается вопрос: были ли вандальские короли, в частности, Гунтамунд, настолько грамотны, чтобы понять эти намеки? И – в случае положительного ответа на этот вопрос – на что рассчитывал в таком случае Драконций, внедряя в текст прошения о помиловании отсылки к такому тексту, как посвящение Фелициану? Возможно, он недооценил уровень грамотности вандальских правителей, рассчитывая, что они поймут только комплиментарную часть его прошения, а остальное воспримут лишь представители довольно узкого круга римской знати, к которому он принадлежал и сам? В то время как грамотность вандалов подросла, по признанию самого Драконция, в стенах одной с римлянами ученической аудитории? Косвенно на положительный ответ указывает то, что «Искупление» не помогло своему автору выйти на волю⁶. Добиться этого ему удалось только при следующем короле, Тразамунде, как уже говорилось выше, и после написания еще одного панегирика, адресованного уже последнему, – текст которого не сохранился.

Литература

de Bustamante Díaz, J. M. 1978: *Draconcio y sus Carmina Profana. Estudio biográfico, introduction y edición crítica*. Santiago de Compostela: Universidad de Santiago de Compostela.

⁶ На этот счет существует и другая точка зрения. Так, Р. Уэлан убежден, что попытка Драконция оправдаться провалилась из-за того, что он, в лице своего адресата и главного героя, конструировал образ идеального правителя по ортодоксальным, никейским стандартам, в то время как Гунтамунд – как и прочие вандальские короли – исповедовал арианство (Whelan 2018: 207)

- González García, A. 2012: Hunerico y Draconcio. La imperialización del reino vándalo y la represión de la disidencia. *Herakleion* 5, 71–83.
- Hen, Y. 2007: *Roman Barbarians. The royal court and culture in the Early Medieval West*. New York: Palgrave Macmillan.
- Marrón, G. A. 2017: *Furor impius / non impia ira*. Comparaciones de hombres con leones en la obra de Blossio Emilio Draconcio. *Euphrosyne: Revista de filología clásica* 45. Lisboa, 80–95.
- Merrills, A. (ed.). 2004: The perils of panegyric: The lost poem of Dracontius and its consequences. *Vandals, Romans and Berbers: New perspectives on Late Antique North Africa*. Aldershot: Ashgate, 145–162.
- Moussy, C. 1988: *Dracontius. Œuvres. Tome II : Louanges de Dieu, Livre III. Réparation*. Texte établi et traduit. P.: Les Belles Lettres.
- Nikolsky, I. M. 2016: [How and When Vandal Africa was “Imperialized”]. *Mnemon. Issledovanija i publikacii po istorii antichnogo mira* [Mnemon: Research and publications on the history of the Ancient World] 16(2), 249–264
- Никольский, И. М. 2016: Когда и как произошла «империализация» вандальской Африки. *Мнемон: исследования и публикации по истории античного мира* 16 (2), 249–264.
- Nikolsky, I. M. 2017a: [Blossius Aemilius Dracontius. Satisfactio. Transl. I. M. Nikolsky]. *Aristei. Vestnik klassicheskoj filologii i antichnoj istorii*. [Aristeas. Journal of Classical Philology and Ancient History] 16, 73–106.
- Никольский, И. М. 2017а: Блоссий Эмилий Драконций. Искупление. Пер. с латинского И. М. Никольского. *Аристей. Вестник классической филологии и античной истории* 16, 73–106.
- Nikolsky, I. M. 2017б: [“Good Bad” Commodus: Why and How the Image of Marcus Aurelius Heir Changed]. *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya»*. [Istoriya. Electronic Journal of Education and Science] 3(57).
- Никольский, И. М. 2017б: «Плохой хороший» Коммод: как и почему менялся образ наследника Марка Аврелия. *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2017, 3(57). [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840001643-6-1> (дата обращения: 9.03.2018).
- Nikolsky, I. M. 2017в: [Dominus noster rex – What’s hidden behind the inscription on the Vandal coins?]. In: Shchhavelev, A. S., Melnikova, E. A. (eds). *Drevneishiye gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2015. Ekonomicheskie sistemy Evrazii v rannee Srednevekov'e* [The Earliest States of Eastern Europe. 2015. Economic Systems of Early Medieval Eurasia]. Moscow: Universitet Dmitriia Pozharskogo, 247–260.
- Никольский, И. М. 2017в: Dominus noster rex – что означала надпись на вандальских монетах. В сб.: *Древнейшие государства Восточной Европы. 2015 год: Экономические системы Евразии в раннее Средневековье* / Отв. ред. тома А. С. Щавелев, отв. ред. серии Е. А. Мельникова. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 247–260.

- Shanzer, D. 1986: *A Philosophical and Literary Commentary on Martianus Capella's De Nuptiis Philologiae et Mercurii, Book 1*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press.
- Schetter, W. 1994: Zur 'Satisfactio' des Dracontius. *Kaiserzeit und Spätantike. Kleine Schriften 1957 – 1992*. Stuttgart, 379–405.
- Simons, R. 2005: *Dracontius und der Mythos Christliche Weltsicht und pagane Kultur in der ausgehenden Spätantike*. Leipzig.
- St. Margaret, M. 1936: *Dracontii Satisfactio with Introduction, Text, Translation, and Commentary*. Pennsylvania: University of Pennsylvania.
- Tizzoni, M. L. 2012: *The Poems of Dracontius in their Vandalic and Visigothic Contexts*. Leeds, 2012.
- Vollmer, F. (ed.). 1905: *Monumenta Germaniae Historica, Auctores antiquissimi*. XIV. Berlin: Weidmann.
- Whelan, R. 2018: *Being Christian in Vandal Africa. The Politics of Orthodoxy in the Post-Imperial West*. Oakland: California University Press.
- Zweierlein, O. 2017: *Die 'Carmina profana' des Dracontius*. Berlin; Boston: De Gruyter, 2017.

I. M. Nikolsky. Panegyric or trolling? How images of animals could change the main message of Blossius Aemilius Dracontius' *Satisfactio*

This article deals with the work 'Satisfactio' by the 5th century Carthaginian poet Blossius Aemilius Dracontius, which is often regarded as a piece of fiction, written in prison as a pray for pardon and at the same time as an ode, dedicated to the Vandal king Gunthamund. However, a comparison of the author's dedication inside the 'Satisfactio' with his dedication to Felicianus Grammaticus, allows to make a conclusion that 'Satisfactio' could have contained an implication that changed its colouring from panegyric to directly opposite, which makes it possible to assume that the creation of this piece of fiction was quite a daring and provocative action.

Keywords: Dracontius, Felicianus, Roman Empire, Vandals, Gunthamund, poetry, panegyric, Carthage.